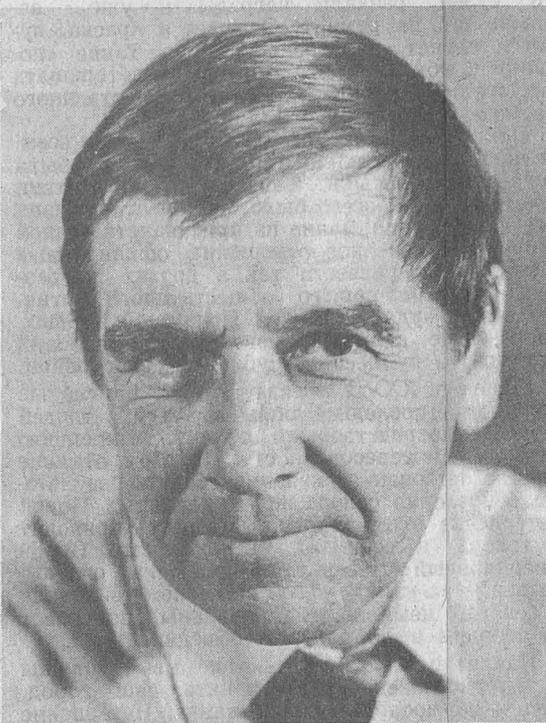

СТРАННЫЕ ГЕРОИ НИКОЛАЯ ВОЛКОВА

Герои театра и кино. Наши современники и персонажи классических произведений. Люди молодые и постарше.

Я увидел Николая Волкова впервые в давнем спектакле Театра на Малой Бронной «Счастливые дни несчастного человека» А. Арбузова, поставленном Анатолием Эфросом. Волкову досталось в нем что-то очень эпизодическое, роль Отца, который появляется в воспоминаниях одного из героев, появляется выходящим из «прошлой жизни» — чуть старомодным, чуть неуместным рядом с такими раскованными и уверенными в себе молодыми людьми. И все же запомнился, запомнилась его неторопливость, несколько глухой, как будто даже «не актерский» голос. Во всем том, что отличало Волкова в том давнем спектакле, было одно несомненное — индивидуальность.

Что же дальше? В «Ромео и Джульетте» Волков играл брата Лоренцо. Как и все герои этого замечательного и по сей день памятного спектакля, герой Волкова был очень необычен. Молодой, вовсе не «благостный» падре, каким обычно играют Лоренцо, он понимал, что все затеянное этими молодыми людьми, которым он сочувствовал, которых любил, очень серьезно. Он увидел в этих детях не только иступленность любовной страсти, но силу, негибкость, неожиданную для их возраста непреклонность. И хотя роль Лоренцо по тексту невелика, хотя он может показаться фигурой второстепенной, пассивной — в исполнении Волкова брат Лоренцо обладал той же волей и страстью, которая отличала главных героев спектакля: Джульетту (Ольга Яковлева) и Ромео (Анатолий Грачев).

И вот Волкова уже заметили, он уже вполне вписался в стиль и строй эфросовских спектаклей тех лет — начала 1970-х. В эти же годы сыграл мольеровского Дон Жуана. Сказать, что он сыграл и его нетрадиционно, было бы, конечно, правильно, но необходимо подробно и по-волковски неспешно расшифровать эту нетрадиционность, ибо именно отсюда, от Дон Жуана, тянутся невидимые ниточки к будущим Отелло, Подколесину, другим героям Волкова-актера.

На сцену под звуки призрачной, как будто бы случайно возникающей в воздухе мелодии выходил человек. Выходил вроде бы невзначай и, казалось, не собираясь надолго здесь задерживаться. Белая рубашка, современная прическа, никакого грима — лишь какие-то детали выдавали в нем человека из иного времени. Он выходил, погруженный в какие-то свои, особые, потаенные мысли — мысли, которыми ему (так уж получилось) не с кем было поделиться. Не со Станиславом же, не с красотками-крестьяночками, даже не с Эльвирой. С нами. И потому спектакль «Дон Жуан» превращался в долгую, мучительную, страстную, иступленную исповедь.

Волков играл человека, которому было даровано очень многое, а воспользоваться этим он не умел, не знал — как. Невоплощенным уходил из жизни этот Дон Жуан. Его жизнь оказывалась повестью о несостоявшемся ярком и своеобразном человеке. Повестью горестной, печальной, подлинно трагической. «Порвался связь времен» — это о Дон Жуане Волкова сказано. «Вывихнутый век» — это о времени, в котором он жил. Времени, когда таких — ярких, самобытных, непохожих — не надо. Волков играл в Дон Жуане лишнего человека.

После «странного» Дон Жуана актер сыграл «странного» Отелло: не воина, не полководца, не стратега, не завоевателя. Отелло Волкова тоже размышлял, тоже задумывался, тоже сомневался; но не в верности Дездемоны, не в корысти Яго, не в измене Кашио — в праведности, справедливости устрой-

ства мира. Он был неожиданно тих, интеллигентен (в какой-то момент даже надевал очки), удивительно доверчив — и безрассудно слеп. Вокруг него плелась гнусная интрига, а он бездействовал, сомневался, сегодня мы бы сказали — «рефлектировал». В спектакле, поставленном Эфросом, отношения трех главных героев — Дездемоны (Ольга Яковлева), Яго (Лев Дуров) и Отелло — были завязаны в один нерасторжимый гордиев узел. И победителя в этом поединке подлости (Яго), чистоты (Дездемона) и доверчивости (Отелло) быть не могло. Только побежденные. Только жертвы. Самоубийство Отелло было мимолетной прозрением, моментом восстановления поправленной справедливости и при этом — мучительным и страшным, ибо за такие ошибки люди платят единственной монетой — собственной жизнью.

А потом Волков играл в гоголевской «Женитьбе» «странного» Подколесина. Его сцена с Агафьей Тихоновной звучала, как будто бы вы слушали прекрасный, вечно притягательный и удивительно трогательный старинный романс. И казалось — ну еще чуть-чуть, еще одно только слово, и все сладится, и все сбудется. Но не сбывалось. Увиденной как будто во сне сказочной свадебной процессией спектакль, поставленный А. Эфросом, начинался и ею же заканчивался. Начинался с обещания сказки и оканчивался ее несбыточностью и химеричностью. Спектакль об очень трогательных, очень симпатичных людях, но волею судьбы неудачниках. Их было жалко: за внешним изяществом оказывалась скрытая человеческая драма. Драма, коснувшаяся и персонажа, которого играл Волков.

К этому моменту, казалось, возник уже некий «волковский стереотип»: его герои были интеллигентны, умны, при этом нерешительны, неопытны в борьбе со злом, поразительно доверчивы. В них было что-то неуловимо детское: хотелось взять их за руки, как ребенка, и вывести из того лабиринта лжи, подлости, коварства, в котором они оказывались... А актер, варьируя на первый взгляд что-то однажды найденное, оказывался всякий раз и тем же, и — неожиданно,

взрывчато — кем-то совсем другим, новым, непредсказуемым. Наверное, это уловил и А. Эфрос, предложив ему в спектакле «Дорога» — инсценировке гоголевских «Мертвых душ» — роль Собакевича. Неуклюжий, неповоротливый (куда только девались присущие Волкову легкость и элегантность?), Собакевич Волкова словно смущался того, что его «так много», и, отдавляя ногу Чичикову, извинялся столь искренне, что грех было на него обижаться. Не ловким, пронырливым, беспринципным дельцом-грубияном предстал Собакевич в исполнении Волкова — напротив, в нем были мягкость (чуть было не сказал — интеллигентность, хотя — кто знает...), какая-то симпатичная детскость и наивность. А кроме того, ощущение непредсказуемости: как и другие персонажи этого спектакля, Собакевич как бы сочетал в себе черты не одного, а многих гоголевских героев; это был портрет, сотканный из многих слагаемых.

В спектакле «Директор театра», поставленном А. Эфросом по пьесе И. Дворецкого, и режиссер, и актеры обратились к современности. Волков играл на этот раз человека, казалось бы, вполне удачливого, даже избалованного судьбой: известный режиссер, руководитель театра, к тому же еще хороший актер, его Вознесенский должен был бы на первый взгляд прервать эту цепь «странных героев» Волкова. А он оказывался вновь одним из них. Общаясь со своими партнерами по сцене, Волков — Вознесенский, казалось, все время куда-то уходил, словно бы ускользал из расставленных вокруг него сетей, словно бы намеренно обрывал все привычные связи и отношения... Что-то искал в себе самом; что-то пытался то ли нащупать, то ли изменить... Волков играл своего Вознесенского человеком, чем-то сломленным: то ли долгой и тернистой дорогой к успеху, во время которой он что-то растерял, то ли самим этим успехом, ему, казалось, не очень нужным; а что вместо — этого он пока не знал. И потому и этот человек, которого мы назвали было «удачником», также уходил из жизни невоплощенным, не сказавшим чего-то самого главного.

В своей статье, оказавшейся последней, напечатанной посмертно, Анатолий Васильевич Эфрос, перечисляя актеров-мастеров, актеров — подлинных художников, близких ему по духу, по складу, первым называет имя Николая Волкова. Думается, это не случайно...

А тем, кому не довелось увидеть Николая Волкова в этих ролях, сыгранных им в Московском драматическом театре на Малой Бронной, наверное, памятни его многочисленные кино- и телеработы. Назову лишь одну — в фильме «Впервые замужем». Здесь в роли человека, спасающего героиню фильма от одиночества, от утраты веры в себя, в справедливость мироустройства, в роли человека, который поначалу покажется нам и нелюдным, и почти отшельником, но при этом наделенным особым внутренним слухом на чужую беду, также воплотилась эта прекрасная странность волковской манеры.

Сейчас Николай Волков работает в Московском театре им. Вл. Маяковского. К его актерским занятиям добавилась режиссура. Он репетирует пьесу В. Славкина «Место для курения». Репетирует с молодыми актерами: «Они чего-то словно ждут от меня», — и радостно, и чуть-чуть смущенно говорит Волков об этом своем начинании. Что ж, пусть будет еще много «волковских откровений» — и актерских, и режиссерских.

Ю. ФРИДШТЕЙН,
кандидат искусствоведения.

● Заслуженный артист РСФСР Н. Волков.